

А.С. Пушкин

Стихи не для дам

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-993
ББК 84-4
П91

Пушкин А.С.
П91 Стихи не для дам / А.С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 174 с.

ISBN 978-5-517-77050-9

В эту книгу включены произведения, которые сам Пушкин отнес к разряду написанных не для печати. На каком основании включены они в сей сборник? Прежде всего на том, что уже более ста лет стихотворения сиивоспроизводятся не только в академических Собраниях сочинений Александра Сергеевича Пушкина, но и в массовых изданиях. И ввели их в круг нашего чтения не какие-то там мазурики, желающие заработать на "клубничке", хотя бы и пушкинской, а блистательные исследователи его творчества, люди высоко нравственные, истинно интеллигентные, носящие самые высокие ученые звания. Словом, те русские пушкинисты, которыми по праву гордится наша культура. Разумеется, в букварях и хрестоматиях "не-скромных" стихотворений этих вы не найдете. Им там и не положено быть. Но право на жизнь они имеют. Подтвердим это еще раз ссылкой опять жена Пушкина, который, отвечая на упреки критиков в безнравственности, коя грозит развращением их пятнадцатилетним племянницам, весело возражал: "... как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик". Думаю, что не стоит приводить других аргументов в защиту этого сборника. Стоит только, пожалуй, сослаться на еще одно авторитетное имя и процитировать несколько строк из Белинского. "Для Пушкина не было так называемой низкой природы; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся под руку, и все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благо-родным".

ISBN 978-5-517-77050-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мундир. Он защищал, отстаивал и утверждал право поэта на свободу говорить о том и так, как он считает нужным, без поправок на чьи-то вкусы, желания, принципы. Послушаем же его снова.

"Безнравственное сочинение есть то, коего целью или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. - Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие".

Блистательный пассаж! По мысли, по лаконизму выражения большой и важной мысли. Это - Пушкин. Таков он в каждой строке, в каждой заметке, в каждом фрагменте... Вернемся к нему снова, ибо не все в "Опровержении..." адресовано только критикам. Прямо и откровенно говорит он и о себе.

"Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал

бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготее, как упрек, на совести моей..."

Не станем гадать, какие именно сочинения имел в виду поэт: не назвал; стало быть, не считал нужным. Обратимся к тому, что им самим в качестве примера названо. Упрекая некоего публикатора за самовольное использование его стихов, он гневно протестует против того, чтобы современные ему литературные пираты печатали произведения, "преданные мною забвению или написанные не для печати (например, "Она мила, скажу меж нами"), или которые простительно мне было писать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, "Послание к Юрьеву")".

В этом месте скажем "Стоп!" и порассуждаем немного вместе с читателем, дабы потом не возникло у него вопросов и претензий к составителю этого не совсем обычного сборника.

Внимательно перелистав книжку, вы найдете в ее оглавлении указанные выше произведения и многие другие, которые сам Пушкин отнес к разряду написанных не для печати. На каком основании включены они в сей сборник? Прежде всего на том, что уже более ста лет стихотворения

сии воспроизводятся не только в академических Собраниях сочинений Александра Сергеевича Пушкина, но и в массовых изданиях. И ввели их в круг нашего чтения не какие-то там мазурики, желающие заработать на "клубничке", хотя бы и пушкинской, а блистательные исследователи его творчества, люди высоконравственные, истинно интеллигентные, носящие самые высокие ученые звания. Словом, те русские пушкинисты, которыми по праву гордится наша культура.

Разумеется, в букварях и хрестоматиях "не-скромных" стихотворений этих вы не найдете. Им там и не положено быть. Но право на жизнь они имеют. Подтвердим это еще раз ссылкой опять же на Пушкина, который, отвечая на упреки критиков в безнравственности, коя грозит развращением их пятнадцатилетним племянницам, весело возражал: "... как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик".

Думаю, что не стоит приводить других аргументов в защиту этого сборника. Стоит только,

пожалуй, сослаться на еще одно авторитетное имя и процитировать несколько строк из Белинского.

"Для Пушкина не было так называемой низкой природы; поэтому он не затруднялся никаким сравнением, никаким предметом, брал первый попавшийся под руку, и все у него являлось поэтическим, а потому прекрасным и благородным".

Однако же в отношениях Пушкина с критикой и особенно с цензурой не все было так просто и весело, как может показаться из сказанного выше. Огромное число неопубликованных при жизни поэта произведений объясняется не только и не столько тем, что они не предназначались им для печати, сколько тем, что угрюмые дураки не позволяли "осквернять" ими "типографические снаряды".

История взаимоотношения Пушкина с цензурой - история трагическая. Она достаточно глубоко изучена и широко известна для того, чтобы о ней можно было сказать именно так. В ней - десятки, если не сотни искромсанных, искореженных, запрещенных к публикации сочинений, коими могла бы гордиться даже самая богатая литература. От Пушкина в нашей словесности пошло много традиций. В том числе и печальная - писание в стол,

рожденная нежеланием подвергать вивисекции родных "детей" своих, кои после прикосновения цензорского ножа теряли всякое сходство с родителем.

Поэта "оберегали" не только политически, но и нравственно. Позволяли верноподданным сочинителям любую пошлость, а у него выскребали со сладострастным усердием даже намеки на какие бы то ни было "вольности".

Может потому с такой радостью и воспринял он вначале царскую милость, последовавшую за освобождением из михайловской ссылки. Николай, великодушно простивший поэта за прежние прегрешения, сказал ему: "Теперь, Пушкин, твоим цензором буду я".

Радость оказалась недолгой. К цензуре обычной, к бдительному оку Бенкендорфа добавился зоркий глаз императора, который, надо отдать ему должное, был весьма заинтересованным и пристрастным читателем. Он твердо стоял на страже морали и "хорошего вкуса". Вот один лишь пример монаршей редакции из соображений нравственных. Пушкинская строчка "Урыльник полон под кроватью" после прочтения ее царем выглядела так: "Будильник полон под кроватью". Поэт, узнав об этом, посмеялся. Но это был грустный смех.

Ибо не трудно представить, сколь далеко простиралась власть николаевского карандаша. Она омертвляла, сушила буйную поросль сочных, полных блеска и озорства творений - от могучих эпических поэм до экспромтом сочиненных эпиграмм. В них все было естественно - и блистательная рифма, и поражающий точностью и глубиной образ, и острое словцо, говоря современным языком, на грани фола, а порой - и за гранью. Но кто провел ее - эту грань?! Кто определил пределы дозволенного?

Ответ на эти вопросы - у него же, у Пушкина: художника надо судить по законам, им самим над собой признанным.

И уж конечно не царю, не его холопьям в мундирах цензурного ведомства было судить о нравственности и приличиях в творениях национального гения. Однако, они судили - скоро и неправо, требовали изменений, запрещали.

Мы знаем, что иные сочинения, могущие задеть взыскательного читателя, Пушкин и сам не публиковал и публиковать не предполагал. Они предназначались для дружеского застолья или озорного послания товарищу. Были у него и, как нынче говорится, крутые стихи, явно не предназначенные для нежных дамских ушек.

К этому разряду можно отнести многие произведения, включенные в данную книгу. Иные из них давно уже стали антологическими и на слуху у каждого, кто любит поэзию. Некоторые же до сих пор по явному недоразумению числятся среди "неприличных". И чаще всего потому лишь, что их лексика престоупает грани дозволенного. История публикации иных весьма забавна. Вот один лишь пример.

С детских лет известно нам стихотворение, рисующее очаровательную картину летнего сельского утра. С этими строками из "Родной речи" вселяется в наши души музыка русского языка:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Прелестное детское стихотворение. Но, повзрослев, мы прочли "Вишню", откуда взяты эти

строки, и были поражены разностью двух сочинений. Второе, полное, справедливо так и не попало в буквари. Но оно не безнравственно, не похабно. Оно полно целомудрия. И прятать его в собраниях сочинений - неразумно.

Но бог с ней, с "Вишней". Ее действительно не стоит печатать в букварях полностью, ибо трудно объяснить детям, почему пастухи и пастушки уже в те далекие времена часто отвлекались от своих прямых обязанностей, в результате чего скот мог отравить барские посевы. Важнее вообще отказаться от деления произведений великого поэта по пуританским критериям. Даже в массовых изданиях. У него - все рядом. И высокое и низкое. Откройте один из академических томов его сочинений. К возмущению ханжей рядом с гениальным "Памятником" обнаружится ерническое, развеселое "К кастрату раз пришел скрыпач..." Стало быть, писались они друг за другом. А может - и параллельно. И то и другое занимали ум и сердце поэта, составив одну из страничек его послания к нам. Послания, в котором он завещает не пыжиться, не изображать из себя таких гигантов мысли, высококонрастных снобов. Ведь это же он, Пушкин, сказал, отвечая на очень умное, блестящее, но холодное сочинение своего собрата: поэзия,

прости Господи, должна быть глуповата. Ведь это же он заметил уже зрелым человеком: "Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, может быть и глубокомысленного".

Ему самому такой перекося не грозило. Моцартианская грациозность сочеталась у него с шекспировской трагедийностью. "Стоит только приподнять пелену грации Пушкина, и можно увидеть глубины, предрекающие дальнейшую русскую литературу: "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы", со своей раздирающей песней председателя, некоторые сцены "Бориса Годунова", некоторые лирические порывы в "Евгении Онегине", загадочный "Медный всадник" и многое другое, - все это какой-то широкий океан, какие-то жуткие провалы и виды на такие вершины, куда только-только хватило бы донестись крыльям Данте и Шекспира" (Луначарский). У Пушкина - все значимо и значительно. И само по себе, и в единстве, в нерасторжимости всех ипостасей его гения.

В этой книге впервые собрано под одной обложкой то, что обычно публикуется отдельно - по хронологии или жанрам. В ряде случаев в канонические тексты внесено то, что было изъято цензурой по соображениям нравственности, как,

скажем, в поэмах "Царь Никита и сорок его дочерей" и "Монах". Известно, как трудно было протискиваться "сквозь нашу тесную цензуру". В некоторых стихах и эпиграммах, вошедших в эту книгу, восстановлены строки и слова, которые давным-давно известны любителям пушкинской лиры, несмотря на все стыдливые многоточия, однако никаких источников реставрации текстов, кроме самого Пушкина, составитель этого сборника не использовал. Он позволил себе максимально раздвинуть границы допустимого, руководствуясь собственными принципами и соображениями Белинского о том, что не все, что ласкает слух гусара, услаждает уши дамам. И это нормально. Ибо, как известно, дамы сильно от нас отличаются. Они не носят усов, умереннее в крепких напитках (по крайней мере, так было прежде) и соленому словцу предпочитают посыпанные сахарной пудрой эвфемизмы.

А дабы еще больше укрепиться в правомочности затеянного издания и возможности дать ему такой категорический заголовок, я тщательно перелистал особо любимый мною седьмой том полного академического Собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина. В этом томе собрана его критика и публицистика - заметки, наброски и